

дельных элементов национальных культур супругов, преимущественно в виде межэтнической интеграции; благоприятный межнациональный микроклимат; меньшая сохранность патриархальных традиций и высокая степень демократизма во внутрисемейных отношениях.

В. Г. Бабаков

ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО ФРАТРИИ В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ ЗАПАДНОСИБИРСКИХ УГРОВ

В советской этнографической литературе уже давно стал господствующим взгляд на дуально-родовую организацию как универсальный институт древнего общества. В трудах таких советских ученых, как А. М. Золотарев, С. П. Толстов, С. А. Токарев, Е. Ф. Кричевский, П. П. Ефименко, А. И. Першиц, Ю. И. Семенов, с марксистских позиций были подвергнуты критическому осмыслению и получили дальнейшее развитие идеи основоположников теории универсальности дуально-родового деления человеческого общества на первой стадии его социального развития. Появившиеся среди некоторых советских этнографов предположения о вторичности и неуниверсальности рода и родовой организации¹ не получили широкой поддержки в советской научной литературе. Как свидетельствуют фундаментальные работы по теоретическим проблемам происхождения человека и человеческого общества, идея универсальности родовой организации при всем разнообразии точек зрения на ее происхождение является краеугольным камнем советской науки о древнем человеческом обществе².

Как известно, прототип социальных отношений первобытного общества воссоздается главным образом путем логико-эвристической реконструкции древних социальных институтов на основе этнографического материала, зафиксированного у народов, которые оказались доступными для наблюдений этнографов на сравнительно ранних ступенях их исторического развития. Этнографические свидетельства о характере семейно-родственных, соседских и других социальных отношений разных народов обобщаются, синтезируются. Предположительно наиболее древний комплекс родовых связей переносится на эпоху социального становления человеческого общества. Необходимость проведения подобных логико-эвристических реконструкций вызвана тем, что ни у одного народа этнографы не выявили родовую организацию в ее изначальном, «чистом» виде.

В реконструкцию социальной организации древнего общества значительный вклад внесли и советские сибиреведы. А. И. Золотарев, А. Ф. Анисимов, В. Н. Чернецов, Б. О. Долгих, С. А. Токарев и другие этнографы на основе изучения реликтовых родовых связей у разных народов Сибири дополнили и развили общую теорию происхождения родового общества.

Следует, однако, заметить, что перед наукой стоят задачи не только реконструкции изначального родового общества, но и конкретно-исторического изучения социальной организации того или иного народа на определенном этапе его развития. Ведь в большинстве случаев, изучая конкретную этническую общность, исследователь сталкивается с фактом сосуществования и сложного переплетения в ней различных соци-

¹ Бутинов Н. А. Первобытнообщинный строй. Основные этапы и локальные варианты // Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. I. М., 1968; Кабо В. Р. Первобытная община охотников и собирателей (по австралийским материалам) // Там же; Марегин Ю. В. Основные типы общины в Индонезии // Там же.

² См., например, сб. «Первобытное общество (основные проблемы развития)». М., 1975.

альных элементов и укладов. К сожалению, вопрос о реальных социальных образованиях, сменивших древние общественные институты у народов Севера, освещен в нашей литературе еще недостаточно полно. Вплоть до появления в 1951 г. статьи Б. О. Долгих и М. Г. Левина³, в которой был собран материал, свидетельствующий о том, что в XIX — начале XX в. на Севере преобладали территориальные связи, большинство авторов этнографических работ, посвященных изучению социального строя народов Сибири, сосредоточивали свое внимание на пережитках родового строя. Вопрос о роли реликтов родовых отношений во многом решался под сильным влиянием эволюционизма⁴, а преувеличение их роли вело к искажению общей картины социальных связей, сложившихся у аборигенов Сибири к моменту присоединения к Русскому государству и в последующий период.

Несколько иным путем шло изучение западносибирских угров, которые раньше, чем другие народы Сибири, вошли в состав феодальной России. Наличие большого архивного материала по истории вогульских и остяцких «княжеств» привлекло внимание историков, в частности С. В. Бахрушина, который, проанализировав документы XVI—XVII вв., пришел к выводу о феодальном характере остяцких и вогульских «волостных объединений, княжеств»⁵. Этнографы не приняли этой концепции и решительно ее критиковали⁶. Появление же в 1939 г. статьи В. Н. Чернецова о дуально-эксогоамном делении древних угров⁷ еще больше усложнило проблему изучения социальных связей среди западносибирских угров. Использование разных источников и методик привело С. В. Бахрушина и В. Н. Чернецова к взаимноисключающим выводам.

В. Н. Чернецов, основываясь на этнографическом и фольклорном материале, предпринял попытку реконструировать дуально-родовую организацию, существовавшую у угров в неопределенном прошлом. Такая постановка вопроса была традиционной в 30-е и 40-е годы, и эта статья В. Н. Чернецова, а также его работа, опубликованная в 1947 г.⁸, шли в общем русле этнографических публикаций, имевших целью теоретически и фактологически подтвердить марксистскую концепцию универсальности родового строя и защитить ее от нападков скептически настроенных буржуазных этнографов.

С. В. Бахрушин использовал совсем иной источник — письменные материалы русских архивов. Документы XVI—XVII вв. составлялись русскими служилыми людьми и, естественно, несли на себе печать не только русского феодального делопроизводства в целом, но и феодального мышления составителя того или иного документа. В особенности это сказывалось на челобитных и других «субъективных» источниках. В то же время эти источники отражали реальные проблемы взаимоотношений ясачного населения Сибири с фискальной системой Русского феодального государства.

В общем в 30—40-е годы сложились две основные концепции социального строя западносибирских угров: этнографическая и историческая. Несмотря на острую критику со стороны этнографов, у С. В. Бахрушина нашлись последователи⁹, которые, правда, не в столь категоричной форме и со значительными поправками и оговорками писали о зарождавшихся у обских угров еще до прихода русских в Западную Сибирь

³ Долгих Б. О., Левин М. Г. Переход от родоплеменных связей к территориальным в истории народов Северной Сибири // Родовое общество. М., 1951. С. 95—108.

⁴ См. Лапчук Л. П. Введение в историческую социологию. Вып. 1. М., 1977. С. 72—87.

⁵ См. Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII веках. Л., 1935.

⁶ См., например, Степанов Н. Н. К вопросу об остяко-вогульском феодализме // Сов. этнография (далее — СЭ). 1936. № 3.

⁷ Чернецов В. Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // Сб. Советская этнография. 1939. II.

⁸ Чернецов В. Н. К истории родового строя у обских угров // Сб. Советская этнография. 1947. VI—VII.

⁹ Очерки истории СССР, конец XV — начало XVII в. М., 1955. С. 666.

социальных отношениях, напомиравших феодальные. В последних работах смягчил категоричность своих формулировок и В. Н. Чернецов. В частности, он отказался от употребления термина «род» по отношению к группам, которые вели свое происхождение от какого-либо тотемического или антропоморфного предка, и стал называть их генеалогическими территориальными общностями¹⁰.

Из всего вышесказанного видно, что в настоящее время назрела необходимость комплексного конкретно-исторического изучения реальных социальных институтов западносибирских угров. Рассматривая динамику социальных отношений в рамках той или иной группировки угорского населения на определенном этапе ее развития, важно установить такие социально значимые факты, которые бы «представляли из себя, один по отношению к другому, различные моменты развития, причем особенно необходимо, чтобы с такой же точностью был исследован весь ряд известных состояний, последовательность их и связь между различными ступенями развития»¹¹. К сожалению, это важное ленинское положение не всегда в полной мере учитывается при анализе социальных связей конкретного общества.

Необходимость комплексного подхода к реальным социальным образованиям обских угров вызвана и тем, что в последние годы утвердилось концепция, согласно которой в XVII—XIX вв. обские угры независимо от их этнического состава делились на две дуально-эзогамные половины (фратрии). Это деление очень древнее, и появление угорских фратрий восходит к двум первоначальным родам, которые по неизвестным причинам в течение тысячелетий не разделились на более мелкие самостоятельные экзогамные единицы. Таким образом, согласно этой концепции, своеобразие социальной организации обских угров в XVII—XIX вв. заключалось в том, что вся угорская этнолингвистическая общность имела четкое деление на две экзогамные половины при отсутствии родового деления¹². Дуально-эзогамные отношения в данном случае выступают как бы доминантой всех социальных связей, отесняя на задний план базисные элементы социальной организации: производственно-общинные, отношения с государством, купцами, церковью и т. д. При этом делается заключение о сходстве угорской дуально-эзогамной организации с системой фратрий у австралийцев¹³.

В этой связи представляет теоретический интерес вопрос о правомерности употребления термина «дуально-эзогамная» или «фратриальная» организация по отношению к западносибирским уграм XVI—XIX вв. В этнографической литературе анализу понятия «организация» ранее не уделялось достаточного внимания, что и породило известные разночтения этого термина применительно к той или иной конкретной проблеме. В то же время в философских работах за последние годы глубоко проанализированы категории «система», «организация», «структура» и дано несколько определений их смыслового содержания. Наиболее широкое распространение получило определение организации как совокупности явлений, в которой свойства последних проявляются как функции сохранения и развития этой совокупности. Иными словами, организация структурно обрамляет и пронизывает систему, «целесообразно» упорядочивает ее. Применяя философское определение организации в конкретно-историческом изучении социальных отношений определенных общностей людей, необходимо выявить как раз те явления, свойства которых и выступали бы как функции сохранения целостности самой общности.

Теоретическое осмысление категории «организация» имеет большое значение и для этнографической науки. Оно помогает исследователю

¹⁰ Чернецов В. Н. Паскальные изображения Урала//Свод археологических источников. Вып. 4—12/2. М., 1971. С. 80, 81.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 167.

¹² Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970. С. 141.

¹³ Соколовы З. П. Проблема рода, фратрии и племени у обских угров//СЭ. 1976. № 6. С. 22; *её же*. Социальная организация хантов и манси в XVIII—XIX вв. М., 1983. С. 159.

выявить наиболее общие, необходимые и повторяющиеся связи внутри объекта исследования (этноса, этнолингвистической общности и т. п.).

Рассматривая с таких теоретических позиций доклассовые социальные образования, необходимо установить, является ли совокупность социально-родовых отношений системообразующей основой их функционирования. Только в том доклассовом обществе, где социально-родовые связи являются определяющими и не отделены от производственных функций, родовая община функционирует как первичная производственная ячейка, можно говорить о его родовой организации, ибо родовые связи выступают здесь как функции сохранения самого общества. Термин «фратриальная организация» в данном случае имеет только операциональное значение, так как включает лишь часть социально-родовых связей, главным образом механизм регулирования брачных отношений внутри племени. Что касается понятия «дуально-эксогоамная организация», то оно справедливо для определения системы социальных связей первобытного общества, в котором род еще не сложился. В то же время следует заметить, что и родовая, и дуально-эксогоамная организации генетически неразрывны, так как дуально-эксогоамное деление коллектива есть первооснова формирования родового общества. Распад родовой организации неминуемо ведет к упразднению дуальной эксогоамии, ибо дуальная эксогоамия определяет родовую организацию, является одним из ее основных признаков. Вот почему невозможно функционирование дуальной эксогоамии в обществе, основанном на территориально-соседских связях. История не дает нам подобных примеров. Правда, Л. Г. Морган и Ф. Энгельс наряду с эксогоамными фратриями североамериканских индейцев и аборигенов Австралии рассматривают и греческую фратрию эпохи распада у греков родового строя. Однако греческая фратрия, равно как и римская курия,— это уже формализованные образования, по своей природе отличные от эксогоамных половин изначального племени.

Как показывает анализ трудов Г. Л. Моргана и Ф. Энгельса, при всем разнообразии форм дуальной эксогоамии существует общая закономерность в ее проявлениях, выражающаяся в диалектической взаимосвязи дуальной эксогоамии с эндогамией: дуальная эксогоамия может функционировать только в рамках эндогамной общности. В иерархической системе элементов родового общества фратрия не может быть межплеменным или межэтническим объединением, т. е. включать в себя эндогамные общности — племена, микро- и макроэтноты. Следовательно, и в угорской этнолингвистической общности, вероятно, не могли существовать фратрии, которые в силу своей архаичности не успели разделиться на роды, но уже делились на этноты. Как показывают письменные источники, в XV—XVI вв. угорские «княжества» имели различный уровень военной организации, были этнически и политически разобщены. Так как же могла функционировать в таких условиях общеугорская дуально-эксогоамная организация, да еще архаичного австралийского типа? Почему же тогда существовали и существуют этнические и лингвистические различия между хантами и манси, а также между их отдельными группировками? Эти различия настолько велики, что, например, некоторые лингвисты предлагают считать многие хантыйские и мансийские диалекты самостоятельными языками¹⁴. А ведь хорошо известно, что дуальная эксогоамия выступает как антиэтнос, и если допустить, что она действительно действовала в общеугорском масштабе как регулятор брачных отношений, то различия между угорскими этносами постепенно нивелировались бы, а не возрастали. Так же маловероятно функционирование дуально-эксогоамной организации и в пределах отдельных «княжеств». Насколько позволяют судить источники, в рамках каждого крупного «княжества» сложилась сложнocomпонентная этническая структура и имелась существенная социальная дифференциация,

¹⁴ См., например, *Баландин А. Н.* О языках и диалектах ханты//В помощь учителям школ Крайнего Севера. Вып. 45. Л., 1955.

в которой некоторые исследователи уже видели зачатки классового деления. Такие объединения, как угорские «княжества», можно охарактеризовать как потестарные общности¹⁵. Они создавались под влиянием фактора внешней опасности, строились на территориально-этнической или территориальной основе, имели сложнокомпонентную структуру, включая в себя зачастую различные этнические группы. Таким образом, мы имеем дело не с традиционным племенем эпохи родового строя, а с группировками преимущественно территориальными¹⁶.

Источники XVII—XVIII вв. не содержат ни прямых, ни косвенных сведений о какой-либо организации, напоминавшей дуально-экзогамную. Поэтому исследователи обращались к этнографическим материалам конца XIX—XX в. Отправным моментом изучения угорских фратрий стало зафиксированное этнографами в конце XIX в. деление сосвинско-ляпинских манси и некоторых соседних с ними групп хантов на группы Пор-ёх (махум) и Мось-ёх (махум). Обнаруживший впервые это деление Н. Гондатти назвал их поколениями, или родами¹⁷. В дальнейшем и другие русские и советские этнографы фиксировали сведения о Пор-ёх (махум) и Мось-ёх (махум)¹⁸, а В. Н. Чернецов, проанализировав мансийский фольклор, связал деление северных манси на эти группы с древним делением угорских племен на фратрии¹⁹. Как мы уже отмечали выше, В. Н. Чернецов не указывал конкретно, когда именно угорские племена четко делились на фратрии, относя это к глубокой древности. Имеются и другие точки зрения относительно происхождения этнонимов «Пор» и «Мось». В. Штейниц полагал, что происхождение этих терминов связано с процессами смешения палеосибирского и пришлого угорского населения, происходившими в начале нашей эры. По его мнению, Пор — этноним палеоазиатского населения Западной Сибири, а Мось — этноним угров²⁰.

Нам представляется правильным, что названия «Пор» и «Мось» — древние этнонимы, имеющие параллели в других финно-угорских языках²¹. В течение многих столетий в результате сложных этнических процессов содержание этих терминов, вероятно, неоднократно менялось и к XX в. стало многозначным, что видно из факта смутного и противоречивого объяснения, которое им дает этнографический материал²². Допустимо предположить, что сопряженные друг с другом этнонимы Мось-ёх (махум) и Пор-ёх (махум) стали применяться первоначально в бассейне рек Сосьва и Ляпин после переселения сюда с юга и запада мансийских групп²³, встретившихся здесь с хантами, а затем в такой же бинарной форме распространились в ходе новых угорских миграций на Обь, Куноват и Казым. Со временем эти названия в разных местах могли получить различное значение. При обычной в Приобье значительной

¹⁵ Термин «потестарные общности» введен Ю. В. Бромлеем (см. *Бромлей Ю. В. Этнос и этнография*. М., 1973. С. 128, 135).

¹⁶ Вопрос о соотношении «княжеств» с этническими группами обских хантов нами уже рассматривался (см. *Бабаков В. Г. К вопросу о разложении традиционной племенной организации у обских угров*//Проблемы истории СССР. М., 1973).

¹⁷ *Гондатти Н. Следы языческих верований у маньзов*//Тр. этнограф. отд. Импер. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском ун-те. Кн. VII. М., 1886. С. 64.

¹⁸ *Кориков А. Сосвинские и ляпинские вогулы*. Тобольск, 1902. С. 8; *Смирнов И. Н. Остяки и вогулы (югра)*//Вестник и библиотека самообразования. 1804. № 4. С. 137—138.

¹⁹ *Чернецов В. Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества*. С. 28—37.

²⁰ *Steinitz W. Totemismus bei den Ostjaken in Sibirien*//Ethnos. 4—5. Stockholm. 1938. S. 132.

²¹ См. *Агеев Р. А. О финно-угорской топонимике*//Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. IV. Ижевск, 1967; *Тепляшина Т. И. К вопросу об этнониме Пор*//Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.

²² Согласно одной из записанных нами мансийских легенд, Мось-ёх (махум) пришли из страны Мартимаа, «куда на зиму летают наши утки»//Полевые материалы Западносибирской этнографической экспедиции 1971 г. и Зауральской этнографической экспедиции 1973 г., кафедра этнографии исторического факультета МГУ.

²³ Об активной миграции вогульского населения на север и восток свидетельствуют многочисленные источники (см.: *Акты исторические*. Т. II. СПб., 1841. С. 102; *Мурзина А. И. К вопросу о социальном строе народов Северо-Западной Сибири в первой половине XIX в.*//Уч. зап. ЛГУ. Серия востоковед. наук. Вып. 2. Л., 1948. С. 288—289).

подвижности населения вряд ли где-либо могла длительное время существовать стройная дуально-фратриальная организация.

Таким образом, вопрос о происхождении и социальной сущности Пор-ёх (махум) и Мось-ёх (махум) дискуссионный, что объясняется отсутствием достоверных и надежных сведений об этих группах.

Как известно, основной признак фратрии родового общества — экзогамия. В конце XIX—XX в. у западносибирских угров элементы экзогамии прослеживаются только у северных групп, наиболее удаленных от сплошного расселения русских и татар. При этом пережитки экзогамии связаны не столько с реликтами древнейшей дуально-экзогамной организации, сколько, видимо, с упомянутыми В. Н. Чернецовым территориальными тотемными группами²⁴. По свидетельству В. Н. Чернецова, в конце XIX в. экзогамия не была обязательной²⁵ и отражалась в фольклоре как историческое воспоминание. В. Н. Чернецов наряду с фольклорными материалами изучил и современные ему этнографические данные о Пор-ёх (махум) и Мось-ёх (махум). В частности, он определил принадлежность некоторых фамилий к той или иной группе. В 60-х годах З. П. Соколова собрала дополнительные сведения о принадлежности отдельных семей и фамилий к Пор-ёх (махум) и Мось-ёх (махум). По ее данным, многие семьи, носившие одну фамилию и жившие в разных поселках, четко представляют свое «фратриальное» происхождение и в разных местах по-разному указывают свою принадлежность к Пор или Мось²⁶. Материалы Западно-сибирской 1971 г. и Зауральской 1973 г. этнографических экспедиций, организованных кафедрой этнографии МГУ, показывают, что большинству современного мансийского и хантыйского населения вообще неизвестна их принадлежность к Пор-ёх (махум) или Мось-ёх (махум). Представления людей, что-то слышавших об этих терминах, смутны, противоречивы, неточны. Все это заставляет весьма осторожно относиться ко всем этнографическим данным второй половины XX в. о группах Пор и Мось. Поэтому соотносить современную принадлежность отдельных фамилий к Пор-ёх (махум) или Мось-ёх (махум) с материалами метрических книг или других источников XIX в. и тем более XVIII в. неправомерно. Кроме того неизвестно, к каким группам принадлежали в XVIII в. фамилии, ныне исчезнувшие (а их гораздо больше, чем сохранившихся), и вообще нет данных о существовании в XVIII в. групп Пор-ёх (махум) и Мось-ёх (махум).

Большие сомнения вызывает методика учета браков по этим группам. Число браков по отдельным фамилиям суммировалось за период с 1749 по 1966 г., и на основании усредненных показателей делался вывод о принадлежности фамилии к Пор-ёх (махум) или Мось-ёх (махум). Подобный подход не принимает во внимание те интенсивные миграционно-демографические процессы, которые происходили в Приобье в XVIII—XIX вв. Семьи, носившие одну и ту же фамилию, расселялись на значительные расстояния и теряли между собой всякую связь. Кроме того, не учитывались плохо сохранившиеся записи о браках (метрические книги заполнялись крайне небрежно) и не принимались во внимание семьи с числом браков менее трех — пяти²⁷.

Следует заметить, что и результаты, полученные З. П. Соколовой после сопоставления этнографического и архивного материала, не свидетельствуют в пользу существования у хантов и манси дуально-экзогамной организации. Повсеместно имеется большой процент нарушения экзогамии. Здесь в пору говорить о реликтах родовой экзогамии, а не о фратриальной организации.

Довольно точно определены пределы распространения терминов «Пор-ёх (махум)» и «Мось-ёх (махум)». Это — пограничная контактная зона расселения сосвинско-ляпинских манси и нижнеобских хантов. У всех остальных мансийских и хантыйских групп, составлявших в

²⁴ См. Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала. С. 80—86.

²⁵ Чернецов В. Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества. С. 29—37

²⁶ Общественный строй у народов Северной Сибири. С. 121.

²⁷ Там же. С. 121.

XVIII—XIX вв. большинство угорского населения, деление на Пор-ёх (махум) и Мось-ёх (махум) неизвестно. По мнению Н. В. Лукиной и В. Н. Кулемзина, у восточных хантов в прошлом функционировали трехродовые союзы, регулирующие брачные отношения, что исключает наличие дуальной экзогамии²⁸. Каким же образом обнаруживается у этих угорских групп дуально-экзогамная организация? «На лист бумаги, — пишет З. П. Соколова, — разделенный на две части — правую и левую, мы вписывали слева основную фамилию с карточки, а справа фамилии брачных партнеров. Такая процедура была проделана с каждой фамилией так, что все фамилии разделились на две брачащиеся друг с другом группы — I и II. Около фамилий справа указывалось число браков ее представителей с носителями фамилий другой группы, слева — с членами своей группы. Если количество нарушений дуальной экзогамии превышало число дуальных браков, фамилия переносилась в другую группу. В спорных случаях, когда у представителей той или иной фамилии было равное число браков с членами обеих фратрий, мы определяли их фратриальную принадлежность условно... По каждой волости приходилось составлять по три — шесть вариантов таких схем, пока не удавалось найти оптимальную»²⁹. Как явствует из приведенного выше обоснования методики разделения угров на фратрии I и II, практически можно разбить на две половины какую угодно совокупность фамилий в любом месте и в какую угодно эпоху. Ведь по правилам числовой дисперсии число взаимобрачающихся представителей разных фамилий в большинстве случаев не будет достигать или будет превышать 50%. Так, мы получим безотказный механизм «дуализации» любой этнической общности. Даже в тех случаях, когда число браков какой-либо фамилии с представителями обеих групп и окажется равным, эту фамилию можно отнести к той или иной группе условно. Не случайно З. П. Соколова обнаруживает фратриальную организацию угорского образца также и у селькупов³⁰. Более того, если пользоваться подобного рода методикой, гораздо более четко, чем у обских угров, выделяются фратрии у енисейских эвенков (с их ограниченным фондом родовых фамилий), у которых все исследователи единодушно отметили отсутствие следов дуальной организации.

Мы провели анализ демографических материалов IV и V ревизий на предмет наличия или отсутствия у обских угров дуальной организации. Материалы переписей 1782—1795 гг. показывают у обских угров нормальное распределение направлений брачных контактов (как это называется в статистике), характерное преимущественно для территориальных общностей, среди которых мы выделяем два их типа — эндогамный дем и брачный ареал³¹. Как показывает анализ дисперсии брачных связей, в рамках брачного ареала иногда могут складываться тандемы фамилий с преимущественной брачной ориентацией. Причины такого локального дуализма могут быть разные: и различные пережиточные формы родовой экзогамии, и производственно-соседские взаимоотношения между большими и малыми семьями, и личные отношения в поселке или волости и т. д. Подобного рода локальный дуализм наблюдается главным образом в тех волостях, где население миграционно наименее мобильно и где существует ограниченный выбор брачных партнеров³².

Опыт изучения территориальных общностей у других народов Сибири показывает, что в рамках этих общностей родовые, а точнее, родст-

²⁸ Лукина Н. В., Кулемзин В. М. Новые данные по социальной организации восточных хантов // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 21.

²⁹ Соколова З. П. Социальная организация хантов и манси в XVIII—XIX вв. С. 9—10.

³⁰ Общественный строй у народов Северной Сибири. С. 149—151.

³¹ По этим материалам трудно представить, что среди 2,5 тысяч фамилий жителей разных уездов, говорящих на разных языках и диалектах, не имевших между собой стабильных контактов, возможно дуально-экзогамное регулирование в общеугорском масштабе всей системой брачных связей.

³² Подробнее об этом см. Бабаков В. Г. К этноисторическому изучению приобских хантов // СЭ. 1976. № 6.

венные отношения ограничиваются в основном отношениями близкого родства и свойства. Территориально-соседские связи строятся на гетерогенной основе, и здесь уже психологически невозможно представление всей общности о своем действительном или фиктивном социальном родстве. И, как совершенно справедливо отметил С. А. Токарев, без осознания своего родства членами той или иной группировки нельзя ее отнести к общности эпохи родового строя — роду, фратрии, племени³³.

Каково же реальное место и значение экзогамии в системе социальных связей угорского населения Приобья XVII—XVIII вв.? Присоединение к Русскому феодальному государству уже в первые годы привело к значительным структурным изменениям в социальных отношениях и хантов, и манси. Московское правительство искало наиболее удобные формы подчинения и удержания в подчинении покоренного населения. В одних случаях оно старалось с самого начала подорвать влияние и власть местных «князцов» (Пелым, Конда, Белогорье), в других — использовать их для покорения соплеменников и другого коренного населения, даруя тому или иному «князцу» право сбора ясака в свою пользу. Видимо, прав Н. Н. Степанов в том, что феодальный иммунитет кодских «князцов» возник не в результате внутреннего спонтанного развития, а был «привнесен» извне русскими властями³⁴. Однако в 1644 г., когда необходимость в вооруженной помощи кодских «князцов» отпала, русское правительство отобрало у «князцов» Алачевых право иммунитета, превратив Коду в полностью зависимый от Москвы ясачный «Кодский сбор»³⁵. В течение XVII в. русская администрация создала на базе прежних «княжеств» фискальную систему, низовой ее ячейкой стала ясачная волость, которая по усмотрению властей могла быть как угодно реформирована в территориально-поселенческом отношении, а население не имело права самовольно сниматься с ясачного места³⁶. Власть «князцов» и старейшин, с которой прежде считались Москва и уездные воеводы, была низведена до уровня мелких административных прав волостных старшин и сотников. Но здесь администрация делала некоторую уступку бывшим традициям внутренней регуляции общественных отношений, сохраняя звание «князца» и видимость его управления ясачными людьми, а также систему отношений, экономических и социально-бытовых, базирующихся на нормах обычного права³⁷.

Таким образом, фискальная политика царизма в XVII—XVIII вв. существенно повлияла на социально-экономические изменения, происходившие в среде аборигенного населения Западной Сибири. Ясак и «восводские поминки» — главные виды внеэкономической эксплуатации аборигенов — значительно обогатили царскую казну (в XVI—XVII вв. пушнина была основным предметом русского экспорта) и в то же время разоряли остяков и вогулов, приводили к оскудению потребительской охоты и рыболовства³⁸. Опустошение пушных угодий зашло так далеко,

³³ Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей // *Вопр. философии*. 1964. № 11. С. 47—48.

³⁴ Степанов Н. Н. К вопросу об остяко-вогульском феодализме // *СЭ*. 1936. № 3. С. 32—33.

³⁵ Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества. С. 45—48.

³⁶ Русские власти препятствовали переселению аборигенов из волости в волость, ибо частые переселения затрудняли сбор и учет ясака. На переселение из одной волости в другую необходимо было особое разрешение; в то же время в пределах волости разрешалось свободно переселяться из поселка в поселок (см. материалы Тобольского филиала Государственного архива Тюменской области. Ф. 154. Оп. 8. Д. 43; далее — ТФ ГАТО). Следует заметить, что ясачная волость представляла собой совокупность плательщиков ясака с семьями и не имела четких границ. Пределы промысловых угодий отдельных волостей определялись по договоренности на основе обычного права.

³⁷ Нормы обычного права аборигенов Западной Сибири отражены в работах: Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава, 1876; Юридические обычаи остяков Березовского и Сургутского округов. Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884; Воронов А. Юридические обычаи остяков Западной Сибири и самоедов Томской губернии. Сборник народных юридических обычаев // *Зап. РГО по отд. этнографии*. Т. XVIII. СПб., 1900.

³⁸ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. III. Ч. 1. М., 1955. С. 49—85.

что с 30-х годов XVII в. царское правительство вынуждено было значительно сократить ясачный оклад³⁹. Охота на пушного зверя в целях уплаты ясака производилась индивидуально, ответственность перед «князцом» нес охотник, зафиксированный в ясачных книгах, а позднее в ревизских сказках как плательщик ясака. Подобная практика подрывала родственные связи, но в то же время укрепляла территориально-волостную солидарность, так как волость под началом «князца» или старшины несла коллективную ответственность за сдачу «мягкой рухляди» царю.

Одной из сторон фискальной политики царизма в Сибири было длительное запрещение торговли пушниной. Поэтому русский торговый капитал уже с начала XVIII в. начал проникать в сферу потребительских промыслов коренного населения. Особый интерес для русских купцов представляли рыбные богатства Оби и ее притоков. Царская казна ревниво следила за тем, чтобы купечество не захватило в свое безраздельное владение промысловые угодья аборигенов — плательщиков ясака, но не препятствовала отдаче ими некоторых рыболовных угодий («песков») в аренду (кортому). К концу XVIII в. только в Сургутском и Березовском уездах в кортому купцам сдавалось хантами 29 рыболовных песков, а в Тобольском уезде наряду со сдачей песков в кортому имели место случаи продажи и заклада остяками своих угодий русским купцам и служилым людям⁴⁰. О масштабах рыбного промысла на арендованных песках в первой половине XIX в. свидетельствует такой факт: в 1848 г. березовские ханты отдали в аренду 150 участков на сумму 6050 руб.: арендаторы получили с них рыбы на 99 500 руб.⁴¹. Под очевидным воздействием торгового капитала товарное рыболовство начинает развиваться и среди самих аборигенов, которые, в ряде случаев отказывая в аренде купцам, сами во все возрастающих масштабах использовали угодья, обменивали рыбу на нужные товары и деньги⁴². В этой связи промысловое хозяйство хантов и манси все больше индивидуализировалось, следствием чего с начала XX в. явился паевой раздел охотничьих урочищ и рыболовных песков между отдельными семьями. При этом случалось, что малые семьи в обход общества сдавали свои участки «на оброк» сторонним людям⁴³. Нет точных данных о степени имущественной дифференциации хантов и манси в XVIII в., полное разорение которых сдерживалось тем, что их кормила сама природа. Но уже в первой половине XVIII в. среди остяков и вогулов появляются люди, которые по бедности служили в работниках у русских крестьян⁴⁴. По данным второй ясачной комиссии, в Тобольском уезде «беднейшая часть остяков и вогулов работает по найму у русских крестьян»⁴⁵. В Березовской Подгородной волости многие остяки по скудости промыслов и собственной бедности кормились за счет работы на кабальных условиях у богатых рыбопромышленников⁴⁶.

Источники XVIII в. дают довольно ясную картину социально-экономических отношений в среде самих аборигенов. Как указывалось выше, основной производственной ячейкой у обских угров была в XVIII в. большая патриархальная семья. Однако социально-экономическая роль ее была не везде одинакова. В местах, где преобладал охотничий промысел, отдельные семьи экономически были более самостоятельными, так как добыча пушного и мясного зверя носила главным образом индивидуальный характер. Зачастую отдельные семьи жили довольно далеко друг от друга, владея по обычному праву определенными родовыми охотничьими «дачами».

³⁹ Архив Всесоюзного географического общества (далее — АВГО). Ф. 64. Оп. 1. Д. 6. Л. 104—105.

⁴⁰ ТФ ГАТО. Ф. 154. Оп. 1622. Д. 21—20.

⁴¹ История Сибири. Т. II. Л., 1968. С. 418.

⁴² Мурзина А. И. Указ. раб. С. 292; ТФ ГАТО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 139. Л. 4—6.

⁴³ Там же. С. 292.

⁴⁴ ЦГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 277. Л. 34.

⁴⁵ Мурзина А. И. Указ. раб. С. 293.

⁴⁶ АВГО. Ф. 64. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.

По-иному складывались межсемейные отношения у обских угров, которых русские документы называют «рыбоядцами». Если охотничий промысел мог быть успешным в большом числе мест (многие обские остяки охотились ради уплаты ясака), то улов рыбы был удачен только на отдельных богатых участках реки — на «песках». Все обские рыболовные пески были известны местному населению и находились во владении групп семей численностью от 40 до 150 чел.⁴⁷ Как свидетельствуют материалы генерального межевания 1788—1796 гг., владельцы песков были людьми «разных родов и фамилий», жили в разных местах и только на время промысла собирались вместе: мужчины городили на Оби запор(вор), женщины занимались преимущественно разделкой рыбы и заготовкой ее впрок — вялили, сушили, коптили и топили жир. Распределение добычи по семьям проводилось в зависимости от числа участвовавших в промысле мужчин. В документах XVIII в. такого рода производственные объединения чаще всего фигурируют под названием «юрты»⁴⁸. Таким образом, «юрт» (мн. ч. — юрты) мог быть не только совместным поселением родственных или неродственных семей (как его обычно понимают в этнографической литературе), но и относительно крупной территориально-хозяйственной общиной с коллективной собственностью на рыболовные угодия.

Начиная с XVIII в. власти стремятся распространить бюрократическую опеку над хозяйством и общественной жизнью российских подданных также в уездах и волостях Западной Сибири. В связи с христианизацией остяков и вогулов власти требовали оседлого образа жизни, запрещали многоженство и жертвоприношения в «крещеных» волостях и т. д. Все эти меры мотивировались тем, что-де «сибирские инородцы живут на государевой земле и поэтому полностью подвластны государевой воле». В то же время правительство заботилось о придании государственной системе управления в Сибири черт «патриархального демократизма», «справедливости» верховной власти в разборе челобитной и о подтверждении владетельных прав волостных миров⁴⁹. Воздействие этой системы и ее идеологического обоснования на социальную психологию западносибирских аборигенов порождало в них привычку подчиняться государственной регламентации, в том числе безропотно нести налоговое бремя. Пожалуй, мы сталкиваемся здесь с той формой государственно-рептных отношений, служащих базисом застойных общественных отношений, при которых производитель выполняет фискальные повинности под свою собственную ответственность, подгоняемый силой отношений вместо непосредственного принуждения и постановлениями закона вместо плети⁵⁰.

Однако сколько бы ни стремилось правительство социально-экономически и политически регламентировать общественную жизнь аборигенов Приобья, все-таки в их среде продолжали действовать спонтанные процессы, определявшие собой привычное течение семейной и социальнo-групповой жизнедеятельности. Объем обыденных и экстраординарных социальных связей, необходимых для нормального воспроизводства жизнедеятельности обских угров, включал в себя разнообразные «социальные действия» на уровне всех форм общности — от семейно-патримониальной до территориально-волостной. Это были связи и отношения по родству и свойству, товариществу и «одноземству», по индивидуальным и общинным интересам, по брачному партнерству и совместному промыслу, по несению фискальных повинностей и защите от «лихих людей» и злоупотреблений уездной администрации, по коллективным договорам с купечеством и, наконец, по совместному религиозному культу (христианизация остяков и вогулов была формальной; в каждом поселке почитались семейные и общепоселковые «шайтаны»).

⁴⁷ ТФ ГАТО. Ф. 311. Д. 139. Л. 6—19.

⁴⁸ Там же. Ф. 154. Д. 73—76.

⁴⁹ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972. С. 350—352.

⁵⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 358, 360.

Итак, мы рассмотрели в общих чертах состояние социальных отношений у западносибирских угров в XVII—XVIII вв., на переломном этапе их истории. Социальные связи хантов и манси представляли собой сложное переплетение явлений, детерминированных как внутренним спонтанным развитием, так и внешними влияниями. В замкнутой феодальной системе Российской империи совокупность социально-экономических отношений аборигенов Сибири в XVIII в.— времени завершения структурной перестройки их социальных связей— можно рассматривать как подсистему с определенной иерархией этих отношений. Структуру социальной организации западносибирских угров XVIII в. можно представить в виде трех уровней социальных отношений: формационный, территориально-волостных и территориально-общинных связей и семейно-бытовых связей.

Формационный уровень характеризует социально-экономическое положение аборигенов, степень проникновения в их среду товарно-денежных отношений. Феодально-рентные отношения разрушали традиционные социальные институты, унифицировали социально-административную структуру, укрепляли территориально-волостные и территориально-общинные связи. Формационный уровень влиял на демографические процессы в семье и общине, способствовал выделению малой семьи, укреплению моногамии и патриархального брака.

Уровень территориально-волостных и территориально-общинных связей оказывал влияние на формы феодально-рентных отношений государства с аборигенами, обуславливал особенности административного управления, товарно-денежных отношений и специфику проникновения торгового капитала в экономику аборигенов. Уровень территориально-общинных связей оказывал влияние на форму и тип семьи, на межличностные социально-экономические и социально-бытовые связи.

Уровень семейно-бытовых связей (микроуровень) оказывал влияние на характер и формы внутриобщинных связей, отношения родства и свойства.

Социальные отношения всех трех уровней взаимосвязаны. Сложившиеся еще в XVI—XVII вв. формационные феодально-рентные отношения в течение XVIII—XIX вв. оказывали все возрастающее влияние на социально-экономическое развитие Приобья, постепенно разрушая традиционный уклад жизни его коренного населения. В свою очередь царское правительство приспосабляло свою фискальную систему к местным условиям, учитывало, а по возможности использовало в своих целях социальные институты аборигенного населения, его обычаи и традиции. Еще более тесными были социальные связи второго и третьего уровней. Так, например, в XVII—XVIII вв. формы семейно-брачных контактов во многом зависели от гетерогенных явлений и, наоборот, семейно-брачные связи, отношения родства и свойства оказывали влияние на формирование межволостных и межобщинных контактов.

Таким образом, социальная организация жизнедеятельности западносибирских угров в XVII—XIX вв. определялась многофакторными явлениями, ведущими (основными) из которых были феодально-рентные отношения аборигенов с русской государственной властью и внутренние территориальные социально-экономические связи на уровне территориально-соседских общин и ясачных волостей. Реликты родового общества (главным образом экзогамии) находили свое отражение в межличностных отношениях родства и свойства и ни в XVII в., ни тем более позднее не определяли характера и сущности социальной организации.

Итак, подведем итоги. Анализ реальных социальных связей и общественных институтов западносибирских угров показывает, что уже ко времени присоединения к Русскому государству угорские этносы по своей внутренней структуре строились преимущественно на территориально-соседских связях. Социальное развитие народов Западной Сибири в составе Русского государства еще более стимулировало развитие территориально-соседских отношений. В этих условиях внутренние «синхронные» общегорские инфрасвязи все больше стали обеспечиваться обще-

российскими коммуникативными средствами. Мнение о какой-то уникальности социальной организации западносибирских угров, у которых якобы в рамках всей этнолингвистической общности сохранялась архаичная, восходящая к родовому строю дуально-экзогамная организация, не может быть обосновано теоретически и не подтверждается эмпирическими данными. Этническая и социальная сложноконтентность угорских территориальных общностей («княжеств», «волостей»), их функциональная и территориальная разобщенность делали ненужной дуальную экзогамию в рамках всей этнолингвистической общности и исключали возможность действия общеугорских фратрий. Объективный анализ направлений брачных контактов в рамках этнических групп хантов и манси по материалам переписей населения XVIII в. дает статистическое распределение брачных связей, характерное для территориально-соседских общностей.

Вопрос о терминах «Пор-ёх (махум)» и «Мось-ёх (махум)», имеющих локальное распространение в бассейне рек Северной Сосьвы, Ляпин и Нижней Оби, на наш взгляд, следует связывать не с реликтами фратриальной организации, существовавшей у местных угров, по мнению некоторых ученых, в далеком прошлом, а с более поздними процессами этнической миксации южных и северных групп хантов и манси, происшедшими в Западной Сибири под напором сначала тюркской, а затем и русской колонизации. Следовательно, функционирование дуальной экзогамии у обских угров как института социальной организации следует отнести к далекому прошлому. В период, предшествующий присоединению народов Западной Сибири к Русскому государству, и в последующие два века преобладающим типом социальных отношений у обских угров были территориально-соседские связи, которые сложились у них задолго до проникновения в этот регион российского капитализма в конце XIX — начале XX в., с которым обычно связывают формирование территориально-соседских связей у народов Сибири.

В. А. Тишков

СОВРЕМЕННАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА ГАВАЙЯХ

В марте 1986 г. автор статьи одним из первых советских этнографов посетил Гавайские острова. Они и сегодня поражают прибывшего из еще заснеженной Москвы своим круглогодичным теплом и сказочной красотой, видимо, не меньше, чем удивляли моряков, приплывавших сюда в прошлом веке из русских колоний на Аляске, чтобы пополнить продовольствием и другими товарами небогато существовавшие фактории Российско-Американской компании. Восемь основных обитаемых островов образованы огромным, протянувшимся на 3 тыс. км подводным горным хребтом, недра которого продолжают проявлять свой темперамент: через пару месяцев после нашей поездки на о-ве Гавайи несколько дней продолжалось извержение вулкана Килауэа, выплеснувшего через край кратера лаву, достигшую океанского побережья. Сродни вулканической деятельности и происходящие в гавайском обществе процессы и перемены, о которых нам хотелось бы рассказать читателю.

1. Этнический состав населения. Население Гавайских островов растет довольно быстрыми темпами, особенно после их провозглашения в 1959 г. 50-м штатом США. В 1985 г. население штата достигло 1,1 млн. человек, из которых 900 тыс. живет на о-ве Оаху. По данным последней переписи 1980 г., население распределялось по островам следующим образом: Гавайи (или Большой остров) — 92 тыс., Мауи — 63 тыс., Ланаи — 2 тыс., Молокаи — 6 тыс., Оаху — 763 тыс., Кауаи —